

Международное и внутригосударственное право

СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА И РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Е.Т.Усенко*

Принятие новой Конституции Российской Федерации явно повысило интерес к вопросам взаимодействия российского права с правом международным. Об этом свидетельствуют оживленные дискуссии на эту тему, развернувшиеся среди российских правоведов на различных форумах**.

Естественно, что в центре внимания оказались международно-правовые аспекты самой Конституции. Однако проблема соотношения и взаимодействия российского права с международным есть лишь часть общей, причем фундаментальной, теоретической (и практической) проблемы соотношения и взаимодействия международного и национального права. Ясно поэтому, что анализ данной конкретной проблемы требует должного учета относящихся к ней научных представлений основополагающего характера.

Одно из таких основополагающих представлений советской, соответственно, российской доктрины международного права заключается в тезисе о том, что международное право и право внутригосударственное (последнее в его теоретическом абстрагировании как некоей целостной общности) представляют собой две самостоятельные правовые системы. Это положение утвердилось в нашей науке примерно с середины 50-х годов в результате преодо-

---

* Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор (подробнее об авторе см. МЖМП. — 1992. — № 1).

** Мы имеем в виду дискуссии на ежегодном собрании Российской ассоциации международного права (январь — февраль 1994 г.), на международной конференции "Действие норм международного права на территории Российской Федерации" (ноябрь 1994 г.), на заседании Ученого совета Института государства и права АН РФ по докладу автора настоящей статьи (январь 1995 г.), на заседании "круглого стола" "Конституция Российской Федерации: международно-правовой аспект", организованном Российской ассоциацией международного права (февраль 1995 г.).

ления ошибочных взглядов Е.А. Коровина о "советском международном праве"¹, А.Я. Вышинского о приоритете советского права как права "миролюбивого, свободного и независимого" государства над правом международным², С.А. Голунского и М.С. Строговича, полагавших, что "международное право должно быть включено в систему советского права как его отрасль"³. Однако примерно с конца 70-х годов приведенный тезис стал встречать возражения.

Возражения против самостоятельности двух правовых систем научно не обоснованы. Они строятся на аргументах, которые в науке логики именуется аргументами *ad hominem*, то есть на таких доводах, которые адресованы к чувствам и впечатлениям человека, не исходят из анализа существа дела, не являются аргументами *ad rem*. Нельзя, мол, отрывать одну правовую систему от другой, возводить между ними "китайскую стену", не замечать процесса их интеграции, стирания граней между ними и т.п., причем рассуждения такого рода завершались чаще всего утверждением о "примате" международного права. Аргумент "китайской стены" — это *testimonium paupertatis*, которым невольно выдают себя те, кто им пользуются.

"Отношение" как научная категория с необходимостью предполагает наличие самостоятельных объектов. Если ставится вопрос об отношении между международным и национальным правом, то это имманентно означает признание их самостоятельности. Где нет самостоятельности объектов, там нет и отношений между ними, а есть лишь состояние синкретизма, слитности, нерасчлененности. Аргумент "китайской стены" явно основывается на смешении понятий "самостоятельность" и "независимость". Как раз независимости обеих правовых систем друг от друга действительно нет и быть не может. "Отношение" всегда предполагает "связь".

Но каков характер этой связи? На этот вопрос советская, как и российская доктрина международного права отвечает определенно: связь между обеими правовыми системами не имеет характера господства и подчинения*. Связь эта характеризуется координацией, взаимосогласованностью, взаимодополняемостью рассматриваемых объектов в сфере их взаимодействия.

Типичный пример такого взаимодействия — заключение международного договора. Оно регулируется нормами как международного, так и внутригосударственного (национального) права, которые дополняют друг друга. Без одновременного соблюдения существенных норм обоих правопорядков заключить **действительный** (выделено нами. — Е.У.) международный договор невозможно.

---

* См. Курс международного права. — Т. 1. — М., 1989. — С. 279; Международное право. — М., 1994. — С. 12 — 13.

Статья 27 Венской конвенции о праве международных договоров гласит: "Участник (договора. — Е.У.) не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора". Можно ли на основе этой статьи утверждать, что в ней речь идет о "примате" международного права, как это пытаются сделать некоторые наши международники? Конечно, нет. Смысл ее совершенно иной.

В ней, по существу, речь идет о том, что национальное право не может иметь примата над международным, что государство не может своим законом освободить себя от принятых им обязательств по международному договору. Тем самым отвергаются доктрина и практика некоторых государств, пытавшихся ставить свой закон выше своих международных обязательств. Но отрицание примата национального права не есть утверждение примата международного права.

В той же статье 27 Венской конвенции о праве международных договоров содержится отсылка к статье 46 этой Конвенции, из которой следует, что международный договор является недействительным, если он заключен в явное нарушение нормы внутреннего права договаривающейся стороны особо важного значения. Означает ли это примат национального права? Конечно, нет.

Оба приведенных положения Конвенции о праве международных договоров направлены отнюдь не на утверждение примата той или иной правовой системы, а на их координированное, согласованное взаимодействие.

Заключая международный договор, государство обязано учитывать свои внутренние правовые нормы, наличие внутрисубъективной возможности, в случае необходимости — их изменения в целях выполнения своего международного обязательства. Поэтому в международном праве существует презумпция: если для выполнения международных обязательств государства необходимо осуществить определенные законодательные меры, то они должны быть им осуществлены, даже если это прямо не предусматривается договором. И эта презумпция, так же как и приведенные статьи из Венской конвенции о праве международных договоров, направлена на обеспечение согласованного взаимодействия обеих правовых систем.

Сам термин "взаимодействие" обозначает такую форму отношений между объектами, при которой каждая из сторон отношения воздействует на другую. Не заменяет, не отменяет, не подменяет и не поглощает ее, не сливается с ней, а воздействует на ее функционирование, изменение, развитие и сама испытывает то же самое с ее стороны.

Рост взаимозависимости государств и народов и обусловленная этим потребность в расширении сферы и повышении интенсивно-

ти взаимодействия международного и национального права побуждают государства использовать правовые методы и формы, облегчающие и упрощающие сам механизм этого взаимодействия, что, однако, не ведет ни к "интеграции" взаимодействующих систем, ни к "стиранию границ" между ними. Ни то ни другое не имеет места, поскольку сохраняется сам принцип взаимодействия, объективно обусловленный самостоятельностью системы международного и системы национального права.

Принципиальный момент, определяющий все параметры воздействия международного права на национальное (мы рассматриваем только это направление взаимодействия), заключается в том, что оно осуществляется не непосредственно, а, как теперь принято говорить, опосредуется волей государства, которое одновременно является и участником международно-правового отношения, и территориальным сувереном.

В силу суверенитета государства на его территории может действовать только его воля. Суверенитет государства в принципе исключает возможность действия в пределах его территории государственной воли других государств, в том числе согласованной воли, заключенной в норме международного права⁴.

Международное право *proprio vigore* не имеет действия в пределах государства. По латыни *proprio* означает "собственная", *vigore* — "жизненная сила, энергия". Следовательно, приведенная формула означает, что международное право на территории государства не имеет **собственной** (выделено нами. — Е.У.) юридической силы. Для того чтобы правило, представляющее собой норму международного права, приобрело юридическую силу в пределах действия национального права, оно должно приобрести силу национально-правовой нормы. Но это может сделать только территориальный суверен, издав соответствующий национально-правовой акт.

Это объективное явление, выражающееся в различных способах осуществления международных обязательств государства посредством издания им национально-правовых актов, в теории международного права именуется *трансформацией*⁵.

В целом все виды трансформации можно подразделить на два вида: генеральную и специальную. Генеральная трансформация заключается в установлении государством в своем внутреннем праве общей нормы, придающей международно-правовым нормам силу внутригосударственного действия. Специальная трансформация заключается в придании государством конкретным нормам международного права силы внутригосударственного действия путем их воспроизведения в законе текстуально либо в виде положений, адаптированных к национальному праву, или путем законодательного выражения согласия на их применение иным способом.

Пример генеральной трансформации правил международных договоров для целой отрасли права в советском (ныне российском) праве — статья 129 "Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик" 1961 года (ст. 170 "Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик" 1991 г.). Эта статья гласила: "Если международным договором СССР установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском гражданском законодательстве, то применяются правила международного договора". Затем аналогичные статьи были включены во многие другие Основы законодательства, в результате чего большинство отраслей и подотраслей советского права оказались охваченными этой генеральной формулой⁶.

Другой, еще более крупный, пример генеральной трансформации в российском праве — статья 15.4 Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г. Сама идея урегулировать проблему генерально в Конституции страны сомнений не вызывает. Все большее число государств становятся на этот путь. Идея, заложенная в этом пункте Конституции, по сути дела является логическим продолжением того развития советского и российского законодательства, о котором сказано выше. Однако сам текст пункта 4 статьи 15 Конституции вызывает серьезные замечания и, более того, возражения.

Прежде всего, поражает, строго говоря, не очень грамотная редакция. Пункт этот состоит из двух фраз. Вот первая из них: "Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы".

Формулировка "Общепризнанные принципы и нормы... международного права" по существу отрицает нормативный, юридически обязательный характер принципов международного права. А ведь одна из особенностей международного права в том и состоит, что его общепризнанные принципы — суть его основные нормы, причем некоторые из них являются нормами *jus cogens*⁷. Договор, заключенный в противоречие с такой нормой, согласно статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров юридически ничтожен. Этого, по-видимому, не знают теоретики в области внутригосударственного права, трудившиеся над проектом Конституции⁸.

Далее: "Общепризнанные принципы и нормы... и международные договоры..." Здесь смешиваются разнопорядковые категории: нормы как правила поведения и международные договоры, являющиеся источником права. Подобное смешение вообще антинаучно, в особенности же в аспекте содержащейся в этой фразе отсылки к системе права, ибо система права и система его источников хотя и взаимосвязанные, но все же самостоятельные явления⁹.

Достаточно одиозным выглядит утверждение, что весь этот конгломерат принципов, норм и договоров является "составной частью" правовой системы России.

Во-первых, далеко не все нормы международного права по своему существу — как регуляторы межгосударственных отношений — могут найти место во внутригосударственном праве, которое в основном направлено на регулирование не межгосударственных отношений, а отношений иного рода. Во-вторых, не каждый международный договор может стать источником внутригосударственного права вопреки его национальному закону. И то и другое становится особенно очевидным при сопоставлении данного положения с соответствующими конституционными нормами других государств (о чем будет сказано ниже). Правомерно ли в данном контексте вообще говорить о "правовой системе Российской Федерации"?

"Правовая система" — это научное понятие, нормативно не урегулированное и потому едва ли уместное в Конституции. Достаточно было сказать: "является частью права Российской Федерации".

В плане же практическом вопрос о соотношении нормы и системы права, к которой она относится, может возникать при ее толковании. И в этом аспекте становится очевидной не только неуместность, но и ошибочность приведенного положения.

Л.А. Лунц, впервые поставивший в нашей литературе вопрос о соотношении международно-правовых норм, трансформированных во внутреннее право, и системой внутреннего права, обоснованно писал: "...нормы эти становятся внутригосударственными в том смысле, что они должны применяться и соблюдаться при регулировании определенных внутренних отношений, но они сохраняют автономность в отношении к внутренней системе права в целом"¹⁰.

"Сохраняют автономность в отношении к внутренней системе права в целом"! Почему? Потому, что эти нормы сохраняют связь с породившим их международным договором и толковать их нужно на основе данного договора и относящихся к нему международно-правовых положений, а не на основе внутреннего права и его системы. Ведь если каждое из государств, заключивших международный договор, будет толковать его нормы в аспекте своей правовой системы — а правовые системы государств различны, — то согласованная воля государств, выраженная в договоре, распадется и эффективность самого договора может быть существенно подорвана, если не совсем элиминирована.

Для сравнения обратимся к английскому праву. Общеизвестный постулат английского права гласит: "Международное право есть часть права страны" (заметим: не "системы права", а просто "часть права страны", как следовало бы сказать и в нашей Конституции).

Приведенное положение мы называем постулатом потому, что оно не есть категорический императив, а лишь предпосылка или допущение для применения нормы международного права. Оно имеет в виду отнюдь не все и не любые общепризнанные нормы международного права, как сказано в нашей Конституции, а лишь его обычно правовые принципы и иные нормы, причем лишь в той мере, в какой они **инкорпорированы** (выделено нами. — Е.У.) в английское право через судебную или иную практику государства¹¹.

Английский судья, прежде чем применить какой-то общепризнанный принцип международного права, исследует, инкорпорирован ли он в английское право. Если да, то применяет. Если нет, то продолжает исследование: противоречит или не противоречит этот принцип английскому праву. Если не противоречит, то судья исследует, не изъявила ли Корона в какой-либо форме свое согласие на его применение, и лишь при положительном ответе применит этот принцип, положив начало его инкорпорации. Следовательно, судья должен убедиться, что он своим решением не подменяет законодательную власть.

Что же касается договорных норм, то есть норм, установленных международным договором, то они трансформируются во внутреннее право Англии в принципе так же, как и в других странах: путем их ратификации и опубликования в собрании законов, если речь идет о "самоисполнимых" нормах, а в остальных случаях — путем издания необходимых специальных трансформационных законов и иных правовых актов. Договор, связывающий в международно-правовом отношении Британию, английским судом не принимается во внимание до тех пор, пока он не будет трансформирован во внутригосударственное право посредством явно выраженного парламентского акта¹². А в нашей Конституции любой договор, заключенный Российской Федерацией, объявляется источником российского права.

В США, как и в Англии, действует общая норма: "Международное право есть часть права страны". В Конституции ФРГ, также воспринявшей это положение английского права, в статье 25 четко устанавливается, что только общие принципы международного права являются частью права страны.

Вторая фраза статьи 15.4 Конституции РФ гласит: "Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора". Здесь в генеральной форме изложено правило, впервые закрепленное в Советском Союзе в статье 129 "Основ гражданского законодательства..." Цель — придать положениям международного договора силу, превышающую силу закона. В этом ничего необычного нет. Хотя большинство государств, в том числе и Англия, продолжают придерживаться принципа пре-

имущественной силы национального закона, а США исходят из равной силы договора и закона и, собственно, придерживаются правила *lex posterior derogat priori*, немалое число государств устанавливают в своих конституциях принцип преимущества правил международного договора.

Но любой ли международный договор может иметь такие последствия? Заглянем в Конституцию Франции, которая относится к числу стран, провозгласивших преимущественную силу международного договора, и убедимся, что это не так. В статье 55 ее Конституции говорится, что международные договоры, "должным образом ратифицированные или одобренные, с момента своего опубликования имеют силу, превышающую силу внутренних законов", но тут же статья 56 указывает, что обязательной ратификации подлежат важнейшие международные договоры, в том числе договоры, изменяющие законодательство, и постановляет, что все такие договоры "могут быть ратифицированы только на основании закона" (выделено нами. — *Е.У.*). Следовательно, строго говоря, не сам договор, а закон о его ратификации имеет преимущественную силу над другими законами.

Вот такого или аналогичного положения, обязательного для любого правового государства, основанного на принципе разделения властей, в нашей Конституции, к сожалению, нет. Какие осложнения или даже беды для страны могут в связи с этим возникнуть, представить себе нетрудно.

Конечно, следовало бы восполнить этот пробел, как и исправить другие ошибки в пункте 4 статьи 15. Но сделать это не просто. Данная статья содержится в первой главе Конституции, изменить которую Федеральное Собрание не вправе: для этого нужно было бы собрать Конституционное Собрание или провести референдум, что в современных условиях нереально. Можно, конечно, попытаться в этих целях использовать Закон о международных договорах. Такая попытка, насколько известно, предпринята в проекте этого Закона, находящегося на рассмотрении в Государственной Думе. Но даже принятие такого Закона радикально проблему не решает, ибо он не может изменить положений Конституции, о которых идет речь. И любой властитель сможет ими воспользоваться вопреки Закону о международных договорах. Поэтому если и когда возникнет возможность внесения каких-либо изменений в первую главу Конституции, полагаем, что недостатки, на которые обращает внимание настоящая статья, безусловно должны быть устранены.

Пока же мы рекомендовали бы руководствоваться мудрой юридической презумпцией, что законодатель не хотел ошибиться и что текст надо толковать так, как если бы он не ошибся. Например,

при уяснении содержания нормы международного договора первым делом следует обращаться к этому договору, а не к российской правовой системе.

В аспекте общей концепции нашей статьи, видимо, нет необходимости останавливаться на тех видах трансформации, которые именуются нами специальными¹³, ибо все специальные виды трансформации служат той же цели, что и ее генеральный вид: придать правилам, содержащимся в нормах международного права, силу внутрисоциального действия.

Ценность учения о трансформации состоит не только в том, что оно помогает раскрыть и понять механизм правового взаимодействия двух правовых систем, но и в том, что оно укрепляет принцип государственности, в особенности же принцип разделения властей как основы правового государства. По своей сути теория трансформации — это глубоко демократическая теория.

Пора откровенно признать, что обнаружившиеся еще в 70-е годы попытки внедрить в нашу международно-правовую доктрину концепцию "примата" международного права под флагом якобы нового слова в науке были одним из симптомов и проявлений начала разложения советской государственности.

Субъективно они представляли собой реакцию на идеологизированную косность и политизированную выхолащенность нашего законодательства в области политических прав человека, трудовых отношений, многих гражданских прав, в том числе авторских и изобретательских. Но сколь бы ни были благими эти попытки разом, путем утверждения "примата" международного права над "отсталым" советским правом, дать *justum causa* (правильную юридическую основу) для многих внутренних отношений, объективно они были направлены против государственного суверенитета страны.

Международное право может весьма позитивно воздействовать на развитие национального права и национальную государственность, если это воздействие осуществляется через и при посредстве самого национального права. Но международное право (его "стандарты") может использоваться и как идеологическое средство расшатывания, и даже разрушения государственно-правовой системы страны, чему новейшая история, в том числе история нашей страны, дает убедительные примеры¹⁴.

Понимали ли это наши упразднители трансформации? Едва ли. Скорее, они считали подобные выводы, которые делались и раньше¹⁵, идеологической "зашоренностью". А вот западные ученые вникают в суть дела доподлинно: П. Гугенгейм, например, четко констатировал взаимосвязь трансформации с государственным суверенитетом, или, по его выражению, с "догмой суверенитета"¹⁶.

И поскольку суверенная государственная власть суть не догма, а реальность современных международных отношений, все концепции "примата" международного права остаются теориями, оторванными от жизни.

Едва ли найдется суверенное государство, во внутреннем праве которого международное право действовало бы *progrgio vigore*, без санкции национального закона. Даже если государство запишет в своей конституции не один раз, а трижды, что международное право действует на его территории непосредственно, то этим оно лишь трижды подтвердит обратное.

В литературе бытует мнение, которого до недавнего времени придерживался и автор настоящей статьи, что все же известно по крайней мере одно исключение: главных военных преступников Германии судили непосредственно по международному праву. Оказалось, однако, что это не совсем так. В результате нашего исследования этого вопроса выяснилось, что союзный Контрольный Совет, осуществивший в то время верховную государственную власть в Германии, издал специальный Закон № 10, которым придал Лондонскому соглашению от 8 августа 1945 г., учредившему Нюрнбергский военный трибунал, силу внутригосударственного действия на территории всей Германии.

Преобладание антигосударственных настроений в период, когда разрабатывалась новая Конституция, не могло не сказаться отрицательно и на статье 15.4. Ее авторы, видимо, полагали, что задача состоит в том, чтобы утвердить "примат" международного права, а о юридических "тонкостях" можно и не заботиться.

Мы видели, как бережно охраняют свое право действительно великие государства. А нам мало "прозрачных" границ, нужно еще "прозрачное" право? Ставить наше государство в явно неравные, невыгодные отношения с другими государствами недопустимо.

Отмеченные выше возможности для более мощных держав использовать теорию "примата" международного права против государственного суверенитета и даже самих основ государственности той или иной страны — отнюдь не главный порок этой теории, ибо, в конце концов, любые, даже истинно демократические теории, идеи, требования могут, при определенных условиях, быть использованы против демократии, служить, по существу, реакционным целям. Органически, имманентно присущий этой теории порок, порок, не зависящий от каких-либо конкретных обстоятельств и потому главный, заключается в ее теоретической и практической бесплодности.

В практическом плане она лишает национальное право активной роли во всех тех многочисленных областях внутригосударственной жизни, куда проникает международное право. По

остроумному замечанию Броунли, эта теория "низводит внутреннее право до положения пенсионера международного права"¹⁷.

Иначе дело обстоит с позиций теории трансформации. Даже при наличии в законодательстве страны генеральной формулы трансформации международного права в национальное, внутренние правовые акты государства продолжают играть активную роль в обеспечении согласованного взаимодействия правовой системы страны с системой международного права. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно подумать о том, сколько встает требующих своего решения вопросов в рамках только одной статьи 15 российской Конституции. В этой статье в первом пункте провозглашается высшая юридическая сила Конституции, а в пункте четвертом — высшая юридическая сила правил международного договора. Значит ли это, что международный договор стоит выше Конституции? Можно сказать: "Разумеется, нет". Но закон должен не подразумевать, а говорить *expressis verbis*. Так, например, из статьи 100 Конституции Германии совершенно ясно следует, что даже общие принципы международного права не могут иметь преимущества перед положениями Конституции ФРГ. Этот вопрос должен быть решен и у нас.

Далее. Во втором абзаце пункта 4 говорится, что в случаях, когда в международном договоре установлено иное правило, чем в российском законе, применяется правило международного договора. А если не "иное", а такое же, что должен применить судья или арбитр? Ведь одно и то же правило, толкуемое в рамках той или иной системы права, может получить различный смысл. Значит, надо решить как данный вопрос, так и вопросы толкования, о чем уже говорилось выше.

Кроме того, поскольку генеральная трансформация обеспечивает внутригосударственное применение только "самоисполнимых" норм договора, необходимо дать судье (или чиновнику) хотя бы общие ориентиры, что считать "самоисполнимой" нормой, или же указывать в конкретных случаях, какие правила международного договора являются самоисполнимыми, как это делает американский законодатель.

Далее. Как соотносятся самоисполнимая *regula juris* из договора и *regula juris* из закона с точки зрения *lex posterior derogat legi priori*? В США, например, более поздний акт имеет преимущество перед более ранним, будь то договор или закон. И еще: как соотносятся общая норма из международного договора и специальная норма национального законодательства? Подчиняется ли их соотношение общему правилу: *lex specialis derogat legi generali*?

Не менее важно ориентировать наши власти на необходимость законодательного обеспечения реализации несамоисполнимых норм, дабы обязательства России по международным конвенциям не оставались благими намерениями, как это бывало прежде с обя-

зательствами Советского Союза, и, соответственно, необходимо разрабатывать юридическую технику наиболее приемлемых видов специальной трансформации.

При всем сказанном очевидно, что приведенное положение Конституции — это только первый шаг; при всех его недостатках, но все же шаг в направлении создания более эффективного механизма координации российского права с международным.

Теоретическая бесплодность концепции "примата" также очевидна. Она отнюдь не является новым словом в науке международного права, как полагают некоторые ученые, специально не занимавшиеся данной проблемой, особенно же аспиранты. Это направление возникло давно, однако почти за целое столетие последователям этого направления не удалось создать удовлетворительную теорию.

Дело, по существу, сводится к приведению все новых фактов и построению эклектических композиций. И подобно тому, как для права значение имеют не просто факты, а юридические факты, так и для науки имеют значение только научные факты. А факт становится научным только тогда, когда он получает научное, теоретическое объяснение. Вот на это и оказалась неспособной теория "примата" международного права. Причина этому — ее несоответствие реалиям современной международной жизни.

О кризисе теории "примата" международного права свидетельствует, между прочим, и обнаружившаяся в работах западных ученых тенденция к полному отходу от этой теории либо к замене ее теорией "умеренного монизма"¹⁸, пытающейся примирить монизм с дуализмом.

Мы согласны с А. Фердроссом, что проблема соотношения международного права и национального "совершенно отлична" от проблемы, являются ли индивиды субъектами международного права¹⁹. Однако, поскольку многие сторонники "примата" международного права, "стирания граней" и т.п. настойчиво утверждают, что якобы существующая международная правосубъектность индивидов убедительно доказывает правоту их взглядов, полагаем необходимым хотя бы вкратце коснуться этой проблемы.

Объектом международного права являются международные отношения междувластного характера суверенных государств и участвующих в этих отношениях международных (межправительственных) организаций²⁰. Индивиды и иные субъекты внутригосударственного права (предприятия, в том числе многонациональные, международные неправительственные организации, другие общественные организации) субъектами власти не являются и потому не могут обладать признаками международной личности. Следовательно, даже если мы декларируем, что помимо нескольких сот реальных субъектов международного права таковыми якобы являются и миллиарды индиви-

дов, населяющих Землю, то такая декларация ничего индивидам в смысле их правомочий добавить не сможет. Реально в международной сфере индивид может пользоваться правами только в силу и на основе национального права, в том числе и трансформированных в него правил из международных договоров. Пример тому — статья 46 Конституции Российской Федерации, которая предоставляет каждому гражданину право "обращаться в межгосударственные органы" по исчерпанию всех внутригосударственных средств правовой защиты.

Вместе с тем, по-видимому, нельзя и далее ограничиваться лишь критикой эклектизма монистических концепций. Необходимо с позиций теории координации дать научное объяснение тем фактам, на которых они строятся.

Отношения, благодаря которым субъекты национального права прямо или опосредованно оказываются в сфере влияния международного права, весьма разнообразны. Одно дело — неправительственные организации в Экономическом и Социальном Совете ООН, другое — права профсоюзов в Международной организации труда, третье — права национальных меньшинств, четвертое — миллиарды дестинаторов конвенций о правах человека и иных гуманитарных конвенций, направленных на защиту личности, в пятых — индивиды как участники международно-правового процесса. Без конкретного анализа правовых отношений, лежащих в основе каждого из этих явлений, невозможно обоснованно судить, к какой правовой сфере относятся их субъекты.

Полагаем, что классификацию всех таких отношений, их теоретическое изучение и обобщение целесообразно вести по двум основным направлениям: первое — международно-правовой "индигенат", который упоминал еще В.Э. Грабарь в Учебнике международного права 1947 года издания и который до сих пор остается теоретически не исследованным, и второе — международно-правовой процесс.

Каждой материальной отрасли национального права, как известно, соответствует процессуальное право, в принципе обособленное, а в науке международного права почему-то считается допустимым смешивать все воедино. Смешайте гражданское право с гражданским процессом — и вы затемните понимание того, что есть само гражданское право. Соответственно, смешение в международном праве материальных и процессуальных норм порождает немалые затруднения.

В аспекте рассматриваемой проблемы следует подчеркнуть, что участие субъекта одной отрасли (области) материального права в процессе, относящемся к другой отрасли (области) материального права, не делает его субъектом последней. Так, истец, предъявивший гражданский иск в уголовном деле, становится субъектом уголовного процесса, но отнюдь не субъектом уголовного права. Он

остаётся субъектом гражданского права. Точно так же лицо, использующее упомянутое выше право, предусмотренное статьей 46 Конституции РФ, может стать субъектом международного процесса, но не субъектом международного материального права, не субъектом международных отношений.

Полагаем, что ученого, который попытался бы серьезно исследовать процессуальную сторону международного права и разработать теоретически хотя бы только основы международного процессуального права, ждут немалые открытия.

Рассмотрение положений пункта 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации в аспекте общих проблем взаимоотношения международного и национального права и связанной с этими проблемами практики некоторых ведущих держав приводит автора к следующему заключению: правоположения указанного пункта при всех их недостатках — это определенный шаг в направлении развития более эффективного механизма взаимодействия российского права с международным. Но для того, чтобы обеспечить реализацию заложенной в них идеи на пользу, а не в ущерб интересам России и ее государственности, требуется еще большая теоретическая и законодательная работа.

---

¹ **Коровин Е.А.** Вопросы международного права переходного периода (критика критики)//Международное право. — 1928. — № 1; он же. Пролетарский интернационализм и международное право//Сов. ежегодник международного права. 1958. — М., 1959.

² **Вышинский А.Я.** Вопросы международного права и международной политики. — М., 1949. — С. 481.

³ **Голунский С.А., Строгович М.С.** Теория государства и права. — М., 1940. — С. 301.

⁴ Известные международному праву изъятия из этого принципа касаются специфических ситуаций (случаев оккупации неприятельской территории и некоторые другие) и не отменяют его общезначимости.

⁵ В отличие от традиционной, ведущей свое начало от Г. Трипеля доктрины, трактующей трансформацию как один из формальных способов реализации международного права, используемых государствами наряду с рецепцией и отсылкой, мы развиваем концепцию материальной трансформации, согласно которой данный термин охватывает все способы, применяемые государствами для исполнения ими своих международных обязательств посредством издания национально-правовых актов. Идея материально-правовой трансформации, высказанная чехословацким ученым **В. Оутратой** (см. Бюллетень чехословацкого права. — 1955. — № 3. — С. 217), была положена нами в основу разработки нового понятия трансформации, которое впервые было дано в работе "Формы регулирования социалистического международного разделения труда" (М.,

1965. — С. 160—164) и воспринято затем в пятитомном, а затем в семитомном Курсе международного права (см., соответственно, Т. IV. — М., 1968. — С. 197; Т. I. — М., 1989. — С. 293). Это определение получило признание в работах многих авторов (В.Г. Буткевича, С.В. Черниченко, Л.А. Лунца, Э.М. Аметистова, Н.В. Миронова, Р.А. Мюллерсона и других, хотя некоторые из них вычленяют отсылку в самостоятельный вид и именуют трансформацию "имплементацией"). Л.А. Лунц, учитывая особенности широкой трактовки трансформации, именовал ее "доктриной, сформулированной" нами (см. Лунц Л.А. Соотношение международного договора и внутригосударственного закона в гражданском и трудовом праве. — Ученые записки ВНИИСЗ. — 1968. — № 14. — С. 226; он же. Международное частное право. — М., 1970. — С. 51). Тенденцию к более широкой, чем традиционная, трактовке трансформации можно обнаружить и у отдельных западных авторов, что требует, однако, специального исследования.

⁶ Так что Я. Броунли в конечном итоге оказался недалек от истины, когда он отнес СССР к числу стран, международные договоры которых приобретают силу на их территориях без специального акта инкорпорации (см. Броунли Я. Международное право. — М., 1977. — Т. I. — С. 93).

⁷ Обстоятельное исследование проблемы норм *jus cogens* см. Алексидзе Л.А. Некоторые вопросы теории международного права. Нормы *jus cogens*. — Тбилиси, 1982.

⁸ С.С. Алексеев, вложивший, как известно, немалый труд в подготовку проекта Конституции, в свое время откровенно признавал, что "общетеоретические положения... в юридической науке... ориентированы на внутригосударственное право" и что международное право порой «интерпретируется как "отрасль"», существующая чуть ли не в одном ряду с отраслями национальных правовых систем (Алексеев С.С. Общая теория права. — Т. I. — М., 1981. — С. 77). О необходимости различать категории международного и национального права см. Усенко Е.Т. Соотношение категорий международного и национального (внутригосударственного) права//Сов. государство и право. — 1983. — № 10. — С. 45—54.

⁹ См. об этом Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. — М., 1979. — С. 5.

¹⁰ Лунц Л.А. Соотношение международного договора и внутригосударственного закона в гражданском и трудовом праве. — С. 223, 226.

¹¹ См. Броунли С.Я. Указ. соч. — С. 82. Из приводимых автором судебных решений следует (и на это он сам обращает внимание), что одни решения можно трактовать как основывающиеся на принципе инкорпорации, другие — на принципе трансформации. С точки зрения отстаиваемой нами концепции трансформации (см. сноску 5) эти нюансы значения не имеют. Инкорпорация — суть разновидность трансформации.

¹² Verber G. Lehrbuch des Völkerrechts. — München — Berlin, 1960. — В. I. — S. 96. В том же смысле характеризуют положение в английском праве Я. Броунли (Указ. соч. — С. 88) и другие авторы.

¹³ Черниченко С.В. предложил различать следующие виды

трансформации: автоматическая инкорпорация, отсылка, индивидуальная инкорпорация, адаптация, легатимация. См. Черниченко С.В. Указ. соч. — С. 51—53; он же. Международное право: современные теоретические проблемы. — М., 1993. — С. 132—141). Во второй работе "легатимация" из этого перечня исключена.

¹⁴ Любопытно в этом отношении откровенное признание активного борца против советской государственности В. Новодворской: "Нскогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эти идеи (о правах человека. — Е.У.) как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отжила свое, и хватит врать про права человека и про правозащитников. А то как бы не срубить сук, на котором мы тоже сидим". Цит. по: В. Максимов. Сдача и гибель русской интеллигенции//Правда. — 1994. — 30 ноября. Цинизм второй части этого высказывания в комментариях, по-видимому, не нуждается.

¹⁵ См., например, Левин Д.Б. Что скрывается за теорией "примата" международного права над внутригосударственным правом//Сов. государство и право. — 1955. — № 7.

¹⁶ P. Guggenheim. Lehrbuch des Völkerrechts. — Bd. I. — Basel, 1948. — S. 38; он же. Völkerrecht u. Landesrecht//Strupp-Schlochauer/Wörterbuch. — Bd. III. — S. 657—658.

¹⁷ Броули Я. Указ. соч. — С. 67.

¹⁸ Об этой теории см. Seidl-Hochenveldern J. Völkerrecht. — Köln, 1980. — S. 16.

¹⁹ См. Фердросс А. Международное право. — М., 1959. — С. 98—99. В соответствии со своей концепцией "монизма права" Фердросс, естественно, пишет о "совершенном отличии" вопроса о международной правосубъектности индивида от проблемы "примата" международного права. Но суть его замечания сохраняет свое значение при любой трактовке проблемы соотношения обеих правовых систем.

²⁰ Об объекте международного права см. Курс международного права.—Т. 1. — М., 1989. — С. 256—258, 286; см. также Усенко Е.Т. Теоретические проблемы соотношения международного и национального права//Сов. ежегодник международного права. 1977. — М., 1979. — С. 60—65.